Геннадий Сазонов родился в 1950 году на станции Пожитово в Тверской области. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Работал собкором газет «Правда», «Труд», журнала «Сельская новь». В настоящее время занимается издательской деятельностью. Директор Вологодского отделения Литфонда России. Печатался в журналах «Работница», «Север», «Алтай», «Воин России», «Аврора», «Москва», «Автограф» (Вологда), «Домовой» (Тверь), «Пятницкий бульвар» (Вологда), «Журналист» (Москва), «Диалог» (Москва), «Российская Федерация сегодня», в газете «Завтра» и в иных изданиях Санкт-Петербурга, Архангельска, Вологды, Челябинска, Москвы, Твери. Автор пяти поэтических сборников («Заречная птица», «Десница огневая», «Нехочушка», «Листовей» и 13-ти книг прозы, очерков, публицистики. Член Союза писателей России. Лауреат ряда литературных и журналистских конкурсов и премий, в том числе Литературной премии МВД СССР и премии фонда имени Артема Боровика. Живёт в Вологде.

Геннадий Сазонов

Воздушный поцелуй

фронтовая быль

В палисадниках у домов цвела сирень. Ребятишки несли из леса первые ландыши. А днём, продолжая ночное соперничество, в округе распевали соловьи… Да, на улице лето – настоящее, тёплое. Его приход почувствовали и обитатели городка лётчиков – сменили тёплые одежды на лёгкую форму, да и на службу шли веселей, с настроением.

– Послушай, Иван, – спрашивал по дороге на аэродром офицер Карманов своего товарища Богданова, – ты знаешь, что у нас, в СССР, выпустили новый самолёт? Штурмовик «ИЛ-2»?

– Как же, слышал! – отозвался Иван. – Его называют летающим танком. Немцы ужасно боятся его. Он, наверное, легче по весу, чем наш бомбовоз «ИЛ-4». Я думаю, что легче.

– Наш бомбовоз тоже неплохой, чего уж ты его хаешь? – заметил Карманов.

– Ты что? Я не хаю! – ответил Иван.

Друзья, наконец, дошли до аэродрома в Дягилеве, под Рязанью. Пока немцы ещё не разбомбили этот стратегический объект, где пилотов, собранных со всех частей Красной Армии, обучали ночным полётам путём специальных тренировок. Офицеры принялись за подготовку самолёта к очередному полету. Разговор по дороге, видимо, засел в голове Ивана. И он, по ходу дела обращаясь к Карманову, мечтательно сказал:

– Эх, вот бы посмотреть этот летающий танк живьём!

И что же? Будто кто-то услышал его просьбу. Послышался гул моторов. Офицеры подняли головы: в небе над аэродромом летели два звена – шесть штурмовиков. У офицеров не было сомнения, что это именно новенькие «ИЛ-2».

И тут стало происходить удивительное. Одна из машин отвалила от звена и начала заходить на посадку, на Дягилево. Это грозило опасностью: учебный аэродром имел лишь три полосы: взлётную, посадочную и нейтральную. Две первые были постоянно в работе, шли тренировки, как бы не получилась какая-нибудь накладка.

В тот момент самолёт, что отделился в небе от звена, с ходу сел на посадочную полосу и вырулил к зданиям аэродромных служб. Ну, подумали офицеры, японский бог, сейчас командир аэродрома, полковник Воробьёв, даст гостю прикурить… Между собой офицеры звали полковника «Князь Серебряный», человек он был замечательный, но грубоватый: на войне не до лирики.

Так Воробьёв и поступил. Не дожидаясь, пока пилот выйдет из кабины, полковник побежал к машине. «ИЛ-2», сверкавший свежей заводской отделкой, оказался не таким высоким, как представлялся в небе. Меж тем летчик выбрался на крыло, но шлема ещё не снял.

– Ты что, первый раз, что ли, садишься? – сходу насел на него Воробьёв. – Не видишь, куда рулишь? У нас же полёты идут!

При этом полковник крепко припустил отборным матерком.

В этот миг пилот снял шлем, и предстала белокурая девица, неотразимо красивая, будто ангел небесный.

– Тьфу ты… – только и выдавил Воробьёв. Затем он, резко повернувшись, прошёл к комиссару полка: «Иди, разбирайся с этой вот… это по твоей части!»

Комиссар Симановский, у него постоянно было скучное и строгое выражение на лице, приблизился к пилоту «ИЛ-2».

– В чём дело? – спросил свысока.

– Товарищ комиссар, докладывает Оксана Шерстюк, пилот-перегонщик заводской группы! – отрапортовала девушка. – Я находилась в воздухе минут двадцать. Смотрю на приборы: температура масла на входе стала быстро расти. А лететь далеко. Побоялась. Думаю, как бы мотор не заклинило – самолёт новый. И сделала вынужденную посадку.

Белокурая красавица была хохлушкой, то есть украинкой, – офицеры поняли по её говору. Симановский распорядился вызвать главного инженера и дежурных авиатехников. Те, да и все остальные, принялись крутиться возле новой машины – интересно ведь!

И сама Оксана не стояла в стороне, заглядывала то в один, то в другой тоннель крыла: там установлены сотовые радиаторы, по ним струи воздуха охлаждают масло. Вдруг она, запустив в тоннель руку, что-то вытащила. Оказалось, это была подушка, только без красного контрольного вымпела. Такой подушкой на стоянке самолёта затыкают тоннель, чтобы случайно не залетела птица или не попала грязь. Девушка запричитала: «Я же бачила перед вылетом – усё было нормально. Откуда же она взялась?»

Больше всего Оксана ругала себя, даже проклинала: «Чтоб мои очи полопались!»

В общем, неисправность нашли. Проверили – мотор запускается. «Надо лететь», – сказала Оксана.

Лететь! А это не так было просто. Существовал порядок: если сел на чужом аэродроме, то находишься в подчинении командира этого аэродрома. В данном случае – в подчинении Воробьёва. А сам он, «Князь Серебряный», стоял в сторонке всё время, пока искали неисправность, – курил, переживал. Полковнику было неудобно, что он не удержался от крепкого словца, наверняка девчонка слышала.

Главный инженер сказал Оксане: «Просите разрешение у командира». И она как ни в чем не бывало подошла к Воробьёву: мол, товарищ командир, разрешите вылет, машина в порядке, хлопцев своих догоню.

– Вы убеждены, что дело именно в подушке? – спросил Воробьёв.

– А то в чём же! – без тени сомнения ответила девушка.

Тут и главный инженер подтвердил, что, мол, точно: причина в подушке.

Командир пристально посмотрел на пилота.

– А сколько вы летаете?

– В аэроклубе три года и уже на заводе два года.

– А сколько вам лет?

– Двадцать два рока!

Воробьёв в раздумье покачал головой.

Тогда Оксана Шерстюк стала наступать:

– Товарищ командир, ну выпустите! Вы же знаете, как на фронте ждут новые машины. Надо же этих гадов немцев разбить быстрей. Разрешите вылет?

Все вокруг напряженно ждали ответа полковника.

– Ладно, летите.

Оксана побежала к самолёту. Офицеры помогли ей надеть парашют. Из кабины она подняла левую руку, что означало: «Разрешите взлёт!» Воробьёв махнул белым флажком. Машина вырулила на взлётную полосу. Оксана правой рукой прикоснулась к губам, послала «Князю Серебряному» воздушный поцелуй – и самолёт побежал вперёд.

Опытные офицеры были удивлены тем, что «ИЛ-2» так долго разгонялся. Он всё бежал и бежал по взлётной полосе. И только потом офицеры поняли: это Оксана набирала скорость. Вдруг она резко подняла машину в воздух и, поднявшись в высоту, сделала «иммельман» – фигуру высшего пилотажа (полупетлю Нестерова), потом – «полубочку».

– Во даёт, артистка! – невольно воскликнул Иван Богданов.

Трудно было поверить: девчонка, да ещё на новой тяжёлой машине – и вдруг такое вытворяет! Потом Оксана развернулась, пролетела над аэродромом; самолёт покачал крыльями…

Когда новенький «ИЛ-2» растворился в небе, Симановский подошёл к Воробьёву.

– Товарищ командир, вот с такими, как эта Оксана, мы обязательно победим.

Стояло лето сорок второго года…

Алиса Анцелевич родилась в 1987 году в Ангарске, Иркутская область. Закончила Школу-студию имени Вл.И. Немировича-Данченко при МХТ имени А. П. Чехова по специальности театровед-менеджер. Первые произведения написала в одиннадцать лет. Автор сборника рассказов, публикаций в сети интернет и «Московском железнодорожнике». Слушательница Высших литературных курсов при Государственном литературном институте им. А. М. Горького. Пишет прозу, стихи и одноактные пьесы.

Алиса Анцелевич

Теперь наш черёд

эссе

Рашид никогда не воевал. Его отец был слишком мал, когда началась война. Но Рашид всегда знал, что это такое. В Союзе патриотизму уделяли ежедневное внимание. Из фильмов и книг, со школы и даже детского сада знали всё о войне, её даже любили, играли в неё. Атрибуты и символы войны знали лучше, чем таблицу умножения. «Фашизм», «свастика», «партизаны» и ещё пара десятков слов были известны даже тем, кто пока плохо выговаривал букву «р».

Позже, когда Рашид начал соображать, он узнал и понял весь ужас войны. Почти в каждой семье кто-то с неё не вернулся, в том числе его дедушка, которого почти никто не помнил. Осталась выцветшая фотография с рифлёными краями, и приходилось дорисовывать образ в воображении. Наверное, Рашид обладал развитой фантазией, потому что очень реально представлял себе сцены войны с участием деда. Воображение чаще всего переносило в один эпизод прошлого.

…Весна в том году пришла рано. Они сидели в окопе и ждали приказа. Русские, украинцы, евреи, татары, армяне, то есть – наши. И дед Рашида с ними. Шёл противный дождь, было холодно. Через двести метров, через простреливаемое поле – фашистский укрепрайон. Даже высовываться нельзя, можно поймать пулю с противоположной стороны. Они ждали приказ к наступлению, а это значило – на смерть. «В атаку!» В атаку не в кино, не в книге, а на деле. Пробежать двести метров под шквальным огнём нельзя. Приказ не выполнить тоже нельзя… И вот громкий голос врывается в мозг, ватные ноги отрываются от холодной земли, ладонь, скользя по мокрой глине, помогает телу покинуть последнее прибежище. В другой руке автомат, в горле – спазм, смешанный с криком «ура-а-а»... И пуля на вдохе. В этой атаке дед Рашида погиб. Выбора не было. Выхода тоже не было…

Дед взглянул в глаза смерти – и не остановился. Их было много тысяч, вряд ли все были героями. Но Рашид восхищался и гордился ими, был благодарен им за сделанное. Ведь сделали – за него, и уже не нужно делать этого самому. Рашид не хотел бы оказаться на их месте.

И ещё. Он, наблюдая жизнь, видел многих людей. Русских, украинцев, евреев, татар, армян – разных: богатых и бедных, добрых и злых, красивых и не очень, преуспевших и неудачников. Людей много. Но за ними за всеми в прошлом – одна нулевая точка отсчёта. За каждым – его отец, дед, прадед, то есть человек, посмотревший смерти в глаза и потерявший всё. Они уже своё сделали. И если что – теперь наш черед…

Весна в этом году пришла рано. И вместе с первым теплом город наполнился людьми: нарядными и счастливыми, неряшливыми и угрюмыми – разными: русскими, украинцами, евреями, татарами, армянами… На улицах выставили лотки с фруктами; то там, то здесь стали вырастать конструкции летних кафе; зеленела трава, в расцветающих скверах появилась молодёжь с пивом и разговорами на скамейках. В умытых, красивых машинах по проспектам покатили политики, чиновники, бизнесмены; позволили себе пешие прогулки стильные женщины; оживились политические движения; избили двух негров; пополз вниз доллар…

Гулял, отдаваясь весне, и Рашид. Издалека навстречу ему по бульвару, почти строем, шли молодые люди в униформе с нашивками, напоминавшими с детства знакомые фашистские свастики. Тёплый весенний день постепенно подходил к концу. Навстречу молодым людям со свастиками шёл и Рашид. Команда смяла его, опрокинула и принялась пинать. Кровь залила глаза, в ушах стоял звон. Рашид сделал попытку подняться.

И вдруг другой звук бессознательного ужаса и паники вырвался из десятка глоток.

В свете вечернего бульвара, по другую сторону от распростёртого тела, возникла фигура. Таких никто из смертных не видел. Вокруг всклокоченной головы струился дым. Рваная солдатская одежда несовременного покроя уходила в стоптанные, измазанные в глине сапоги. Левая рука, перепачканная грязью, сжимала автомат, а палец правой – лежал под скобой. Невидящие глаза смотрели вперед. Рот был раскрыт немым криком, отзвучавшим годы назад. Ствол оружия поднимался… Но выстрелов не последовало. Ужас сковал молодых людей в униформе со свастикой, затем они бросились врассыпную, молча, будто шакалы, увидевшие льва. Рашид лежал, наблюдая, как призрачный солдат, глядя на него, опускает автомат и растворяется, и в глазах его, Рашид мог поклясться, блеснули слёзы.

Потом Рашид, с трудом встав, достал платок, вытер лицо. Появившимся полицейским он рассказал всё, но о призраке умолчал…

Дед Рашида далёкой-далёкой весной взглянул в глаза смерти и потерял жизнь. Но тот, для кого он погиб, не должен пока умереть.

Ведь, если что, теперь наш черёд.

ОБЗОРЫ

«Поле чести» Геннадия Гоца

Геннадий Гоц. Поле чести. М.: Издательство «Патриот», 2011. — 335 с.

Геннадий Сидорович Гоц принадлежит к тому типу литераторов, по произведениям которого можно восстановить его жизненный путь, а вместе с ним и биографию поколения. На его долю пришлись не только суровая военная година, сделавшая многих ребят сразу же взрослыми в строю тружеников тыла в заводских цехах и на полях страны, но и героика восстановления порушенного войной народного хозяйства. Пионерское детство перешло в комсомольскую юность на трудовом марше всего народа. А для Геннадия Гоца комсомол стал не просто организацией, в которой он состоял, но самой сутью его жизни, биографией души.

В комсомоле он прошёл путь от рядового члена до работника ЦК ВЛКСМ, и путь этот подарил Г.Гоцу не просто знаменательные встречи с замечательными сверстниками и старшими товарищами, но и вывел эмоциональный запас впечатлений от этих встреч на поэтическую, художественную строку.

Всё сказанное я постиг из поэтических откровений, составивших сборники стихов «С холмов Крылатского», «Озёра памяти», «Дар судьбы», «Равняясь на знамя Победы», «Вечен хлеб». Иногда сердечного пространства стиха недоставало, чтобы выразить своё понимание времени, энергетики чувства товарищества, или восхищение подвигами сверстников и старших товарищей. И тогда появлялись на свет очерки, эссе и статьи, пафосом своим органически слитые с поэтическими откровениями. Именно такими воспринимаются его очерки в книге «Поле чести», объединённые в разделе «…Быть настоящими людьми».

Не буду изображать из себя объективного читателя, который, не зная автора, судит о нём всего лишь по тому, что написано и напечатано за долгие годы в литературе (а Г.Гоц уже тридцать лет в профессиональном Союзе писателей). Я хорошо знаю Геннадия Сидоровича, с которым жизнь свела меня в стенах издательства «Молодая гвардия» в 1972 году. С тех пор внимательно слежу за его литературными успехами. Он дарит мне свои книги. К некоторым из них я написал предисловия и послесловия. Личное общение с Г.Гоцем позволяло и позволяет ощутить тот неподдельный душевный трепет, какой он выносил из встреч с теми, кто на законном основании может быть представлен в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей». Среди них Алексей Маресьев, А.П. Белобородов, Д.Д. Лелюшенко, Юрий Гагарин, Герман Титов, Виктор Горбатко, многие добровольцы-первоцелинники. У каждого из них, итожит свои размышления Г.Гоц, есть своё поле чести. Но ведь оно есть и у самого автора. Во всяком случае, я вижу его не только в немереном трудовом стаже, но и в его литературе, причастной к поэзии и прозе мастеров, с которыми он не просто общался, а и дружил. Имею в виду М.Алексеева и М.Карима, Я.Смелякова и Р.Гамзатова, Н.Старшинова и Д.Кугультинова, М.Львова и других.

В своих суждениях о творчестве Г.Гоца я, конечно же, заряжен тем чувством, коим проникнуты лучшие его стихи и очерки – чувством пристрастия ко всему близкому тебе в жизни, живущему в тебе светлой памятью о пережитом и изведанном. Тем не менее, своё слово о друге хочу подкрепить цитатой из заметки «О тех, кого забыли», опубликованной в «Литературной газете» в 2008 году. В ней речь шла о книге Геннадия Гоца «Вечен хлеб» (2007). Вот о чём там говорилось: «За последние два десятилетия практически не появлялось таких книг: о хлебе, о работниках земли. То, что раньше было нормой – воспитание человека труда, – ныне выглядит неожиданностью. Но ветерана писательского цеха Геннадия Гоца уже не переделать. И слава Богу! Иначе, кто же напомнит подрастающему поколению о тех, кто кормил страну, кто поднимал целину?»

Б.А. ЛЕОНОВ,
доктор филологических наук

Избранное поэта

Владимир Фирсов. Избранные произведения в двух томах. Том первый. – М.: «Голос-пресс», 2012, с. 528, ил.

В первую книгу двухтомного издания, приуроченного к юбилею поэта (26 апреля этого года ему исполнилось бы 75 лет), вошли лучшие стихотворения и поэмы, написанные и опубликованные в разные годы, а также новые стихи. Владимир Фирсов начал публиковаться со школьных лет, был постоянным участником литературного объединения при газете «Московский комсомолец». Первую книгу поэт выпустил в 1959 году, будучи студентом Литературного института имени А. М. Горького. Являлся редактором журнала «Дружба», в течение многих лет входил в редколлегию журнала «Молодая гвардия». Владимир Фирсов – лауреат Государственной премии РСФСР, премий Ленинского комсомола, Министерства обороны, Правительства РФ и многих других литературных премий.

Творчество автора продолжает то направление в русской поэзии, которое начато Александром Сергеевичем Пушкиным и развивалось такими великими поэтами, как Николай Некрасов, Сергей Есенин, Александр Твардовский. С последним Фирсова связывали особенно тёплые отношения. Твардовский всю жизнь был неравнодушен к поэзии Фирсова, а сам Владимир Иванович остался навсегда благодарен этому проникновенному певцу трудового и ратного подвига советского народа за щедрую душевную отзывчивость, определившую, может быть, его судьбу и как поэта, и как человека в неразделимости этих понятий.

Лирика Владимира Фирсова будто вобрала в себя соки и плоть земли, русской природы. Но каких бы сторон жизни ни касался поэт – от тончайших порывов чувств до медлительных вращений космических сфер, – его творчество всегда несёт заряд сердечности, мужества, гражданственности, патриотизма, ибо проистекает из особого, неиссякаемого, животворящего источника, название которому – родина. Лирика Владимира Фирсова, глубоко национальная по духу, стала достоянием любителей поэзии всех республик нашей страны. Его стихи известны и за рубежом; к нему, как он сам некогда к Александру Твардовскому, из разных краёв нашей страны обращались за советом и доброй поддержкой молодые поэты. И находили её...

Редактором-составителем юбилейного издания, выпущенного Литфондом России, выступила жена Владимира Ивановича, Людмила Васильевна Фирсова, помогшая собрать лучшее из созданного поэтом многочисленному редакционному совету, куда вошли известные современные литераторы во главе с И.И. Переверзиным. В книгу, помимо замечательных стихов Владимира Фирсова, включены фотографии из его личного архива, по которым читатели и поклонники могут проследить этапы жизненного и творческого пути автора.